

³⁶ NAC. Li-Ra-Ma Collection. Vol. 22. File 712.

³⁷ Окулевич Г. Указ. соч. С. 34.

³⁸ Подробнее об этом см.: *Reczynska A.* For Bread and Better Future: Emigration from Poland to Canada, 1918–1939. Toronto, 1996.

V.E. K u k u s h k i n. Slavic Labour Emigration from the Russian Empire to Canada at the Beginning of the XXth Century

The problem of the early XXth century Slavic emigration from Russia to the New World is considered. In 1906–1907 Byelorussian and Ukrainian provinces as well as some provinces of the Central and Southern Russia became involved in the emigration movement. Though the USA were the main centre of attraction, approximately a third of Russian, Byelorussian and Ukrainian emigrants headed for Canada. Slavic labour migration to Canada during the first fifteen years of the XXth century, its geography, social composition and economic aspects, described on the basis of Canadian and Russian archival documents (part of them are published for the first time), are the main focus of the article.

© 2002 г., ЭО, № 4

М. Бушар

ПРАВОСЛАВИЕ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ НАЦИИ

От редколлегии

Редколлегия обычно не комментирует публикуемые в журнале материалы, однако в данном случае мы решили сделать исключение. Статья М. Бушара, видимо, привлечет внимание читателей своей тематикой и выводами автора. Несмотря на очевидную спорность ряда положений, статья интересна тем, что представляет взгляд зарубежного автора на сугубо российскую проблематику, связанную с ролью православия в истории России и формировании русского народа.

Позиция М. Бушара по сути близка характерной для последних лет тенденции в отечественной публицистике и даже в научной литературе преувеличения роли православия в складывании русского этноса и российского государства, равно как и преувеличения роли православия в жизни современного российского общества. Для этнологии является аксиомой, что процессы этногенеза протекают под воздействием целого комплекса разнообразных факторов, и определяющую роль играют все же факторы социальные, а не идеологические. Поэтому главный аргумент автора статьи – ссылки на церковные тексты и летописи – выглядит неубедительно. Для оценки значения этих текстов надо знать, как они воспринимались людской массой, а не только «книжниками», которые их и писали. В силу отсутствия соответствующих источников судить об этом невозможно. Но зато мы знаем, что никакой «русской нации» в XI в. не существовало: по всей видимости, автор несколько увлекся собственной концепцией. Как ни странно – и это тоже интересно, – М. Бушар употребляет термин «нация» в духе устаревшей традиции советской науки, т.е. в этническом смысле, в то время как большинство российских этнологов, представляющих ведущие научные центры, уже давно отказались от этой традиции.

Дискуссии исследователей по поводу того, что является причиной, а что следствием в историческом развитии народов – государственные институты или национальное самосознание народа, уже имеют собственную историю. Большинство исследователей придерживается мнения о примате государства над нацией: государство, по их мнению, «рождает» нацию, а не наоборот. А поэтому многие исследователи, исходя из того, что становление большинства государств в Европе и Малой Азии (именно эта территория и была известна в средние века как Ойкумена цивилизации) происходило преимущественно в поздние периоды средневековья, делали вывод об относительно позднем формировании многих европейских наций.

Между тем в последнее время появляется все больше материалов, свидетельствующих о формировании у ряда европейских народов национального самосознания еще до периода раннего средневековья. При этом наиболее значительным фактором, выступавшим в роли генератора национального самосознания, несомненно, являлась религия. Именно она в те времена была идеологической основой, которая обособляла и сплачивала на значительных территориях большие группы населения, связанного общностью истории и языка.

Поскольку религия абсолютного большинства европейских стран и народов – христианство, то представляется интересным проследить, насколько велико было влияние Библии и других религиозных (равно как и нерелигиозных) текстов на умозрение людей и национальную самоидентификацию.

Для становления русской нации, а это непосредственный предмет исследования настоящей статьи, принятие восточного христианства явилось той отправной точкой, которая определила исторические истоки становления национального самосознания весьма разрозненного и раздробленного восточнославянского населения Киевской Руси. Именно православие на начальном этапе было единственной идеологической основой, объединившей все эти подчас враждебные друг другу племена кривичей, полян и других в единый древнерусский народ, из которого впоследствии развились в результате часто мучительных процессов три близкие по своей сути нации – русские, украинцы и белорусы.

Нами предпринята попытка исследовать некоторые из религиозных древнерусских текстов под углом зрения выявления доказательств изложенных выше соображений*.

* * *

Среди исследователей нет единого мнения о времени становления русского государства. Некоторые, например, Л. Гринфелд, полагают, что это государство – достижение «железной воли» Петра I (хотя он создал по существу не государство, которое уже существовало до него, а скорее империю). Другие относят формирование российских государственных институтов к более раннему периоду, например, к Ивану Калите, Ивану III или к Ивану Грозному.

В любом случае, новое понятие, которое появилось совсем недавно в научной и религиозной (да и в журналистской) лексике, а именно понятие «тысячелетняя русская история», явно не вписывается в рамки столь поздней по времени становления российской государственности.

* Я бы хотел выразить свою благодарность некоторым лицам и финансовым организациям. В первую очередь хочу поблагодарить д-ра Джона-Пола Химка. Его слова, услышанные мною в Университете Северной Британской Колумбии, заставив меня задуматься над проблемами нации и национального самосознания, вдохновили меня на это исследование. При написании этой статьи мне также помогли замечания д-ра Химка и д-ра Олега Хархордина. Сара Рэмедж любезно согласилась прочитать корректуру. Я также хочу поблагодарить членов своей комиссии по делам докторантуры – д-ра Клиффа Хики (моего куратора), д-ра Дерекка Сейера и д-ра Клода Дениса – которые руководили моей работой все эти годы. Наконец, я хочу поблагодарить ряд финансовых организаций за их содействие моей научной работе, результатом которой явилось данное исследование. Это Фонд эстоницеведческих исследований, Канадский циркумполярный институт и Канадский Совет по общественным и гуманитарным наукам.

Вопрос о том, существовала ли русская нация, понимаемая в современных научных терминах, в «догосударственные» времена, приобретает большое идеологическое и социально-политическое значение. Если «государства создают нации», как утверждают многие исследователи и общественные деятели (Э. Хобсбаум, К. Пилсудский и некоторые другие), то для истории русского народа остается не так много исторического времени, что, конечно, несправедливо обедняет соответствующий раздел этой науки.

Вспомним, что понятие «тысячелетняя история русского народа» в современной редакции родилось после торжественного празднования в России в 1988 г. тысячелетия принятия христианства.

Ошибка некоторых современных историков в данном вопросе заключается в недооценке ими богатой древнерусской религиозной и отчасти светской литературы как источника познания процессов становления русского (в строгой терминологии – первично восточнославянского) национального самосознания, приведшего постепенно к формированию единой русской нации.

Существует тесно связанная с Русской православной церковью богатая древнерусская литературная традиция, насчитывающая шесть столетий. Это приблизительно XII–XVII вв. Лишь очень немногие западные авторы уделили данному периоду бурной и противоречивой русской истории достойное внимание. Среди них Чарльз Гальперин, который весторонне рассмотрел древнее представление о «русской земле» и роль монголо-татарского ига в русской средневековой истории¹.

Исследуя «национальные» вопросы, необходимо проводить определенное разграничение понятий *национальное самосознание*, характеризующее фактически «зрелую», полностью сформировавшуюся нацию (и здесь синонимом ей будет служить термин «народ»), и *национальное чувство*, в значительной мере слабо оформленное в сознании людей, скорее интуитивное, свойственное населению определенной территории в начале зарождения нации.

Несомненно, вскоре после того, как догматы православия стали внедряться в сознание восточных славян, в средневековой Руси начало быстро развиваться чувство принадлежности к единой «родственной» общности людей. Несомненно также, что это чувство национального единения оказалось предвестником вызревшего позднее национального самосознания русского народа.

Большое значение здесь имели длительные освободительные войны, которые вели русские люди с монголо-татарскими ордами за независимость своих земель.

Вообще, как правильно в свое время писал А.В. Буганов в работе «Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание»², в становлении русского самосознания, а затем и русской нации, которая в современном виде окончательно сформировалась только к концу XVIII в., большое значение имели национально-освободительные войны, которые вела Россия. Это Отечественная война 1812 г., русско-турецкая война на Балканах, Крымская война середины 1850-х годов. Все эти войны велись под знаменем православия: сначала борьба с французскими оккупантами, затем освобождение братьев славян от мусульман-турок...

Таким образом, возвращаясь к средневековым истокам русского самосознания, русского менталитета и начала формирования русской нации (народа), следует считать эти процессы не только и не столько политическим феноменом, сколько культурологическим. Определяющим импульсом этого процесса стало, как говорилось выше, влияние религиозной традиции русского православия. С этой точки зрения, русское национальное чувство – действительно плод тысячелетней истории.

Ниже раскрывается (под углом зрения тематики статьи) понятийное значение русского слова «народ» (английский аналог его – nation), которое встречается в старославянских (церковно-славянских) текстах. Особую роль здесь играет Псалтырь. Значение этого библейского текста невозможно переоценить, ведь он является основой религиозной практики христиан как на Востоке, так и на Западе. Еще более важно то обстоятельство, что этот текст определяет самый смысл понятия «народ» – терри-

ториальное сообщество людей, связанных одной верой, одним языком, одними традициями. Адриан Гастингс показывает, что существование нации, чувства принадлежности к одному народу было бы невозможно без моделирующей роли Библии³.

* * *

Как и в отношении других регионов, изучение менталитета русских и истоков русской нации западными учеными проходило в последнее время под знаком модернистской концепции. Некоторые исследователи склонны были утверждать, что русской нации не существовало почти вплоть до советского периода, не говоря уже об эпохе, предшествующей XVIII в. В недавних публикациях Дэвида Лэйтина⁴ и Роджера Брубекера⁵, основанных в свою очередь на выводах Рональда Суни⁶ и Эрика Хобсбаума⁷, предлагаются концепции, в которых нация и национальное самосознание оказываются зависимыми от формирующих их социальных институтов. Понятие, что первичным и основным институтом, участвующим в формировании нации, считается государство. Лия Гринфелд полагает возможным хронологически несколько отодвинуть сроки возникновения русской нации, относя ее истоки к царствованию Петра. «Трудно осознать, – пишет она, – когда задумываешься об огромной территории, носящей сегодня название России, и о 150 миллионах людей, считающих себя принадлежащими к ней... и выводящих из нее свою самоидентичность, индивидуальность и самобытность, что все это началось с двух людей – огромного роста, своенравного и необузданного русского царя и миловидной немецкой принцессы Софии Августы Фредерики, придумавших такие слова... как "отечество", которые некоторые из их окружения поняли и вдолбили в головы своих подданных»⁸.

Ниже будет рассмотрен генезис некоторых слов в источниках начиная не с XVIII в., а с XI столетия, и показано, что некоторые из «новых» слов, которые Л. Гринфелд использует для доказательства относительно позднего происхождения русской нации, на самом деле старше на несколько столетий.

Модернистские концепции русского национального менталитета анализируются нами с использованием неортодоксальной теории Гастингса. Если основные его положения верны, то не подлежит сомнению тот вклад, который внесли в формирование русской нации библейские тексты, служащие для нее своеобразной моделью. Рождение национального самосознания было неизбежным процессом по мере того, как отдельные слои населения овладевали грамотой. С этой точки зрения рождение нации и национального менталитета не может быть сведено к политической зависимости Руси от Золотой Орды в период монголо-татарского ига.

Церковь – вот та организация, которая путем распространения и внедрения в широкие массы определенных библейских текстов являлась генератором национального самосознания.

* * *

Значение псалмов в христианской религии невозможно переоценить. «Наиболее читаемой книгой, – пишет Г.П. Федотов, – было, конечно, не Евангелие, а Псалтырь, благодаря ее широчайшему использованию в литургии. Это была и первая детская книга для чтения, и главная духовная книга мирянина, и даже гадательная книга»⁹. Псалтырь – один из первых религиозных текстов, переведенных на старославянский язык. Если и имелся какой-либо текст, с которым было знакомо подавляющее большинство христиан, то это – Псалтырь, и так было, собственно, с первых веков христианства. Как пишет М.В. Щепкина, «широкое распространение Псалтыри может быть объяснено тем, что образы и персонажи книги традиционно интерпретировались как предуготовляющие и предсказывающие новозаветные события. Тексты Псалтыри образовывали ядро богослужения в ранних христианских общинах, что также спо-

собствовало ее распространению»¹⁰. Огромное значение Псалтыри сохранялось на протяжении всей христианской истории. В пору становления Московской Руси в завещаниях богатых русских специально устанавливалась определенная сумма денег для оплаты ежедневного поминального чтения псалмов в течение сорока дней¹¹. К. Шеффел отмечает, что Псалтырь была одним из основных религиозных текстов для старообрядцев¹².

Сходным образом и В. Шевцова в исследовании, посвященном часовням и религиозной практике русского крестьянства в дореволюционный период, пишет, что, согласно этнографическим данным, собранным в конце XIX в., крестьяне часто собирались в деревенской часовне и проводили там целый день за чтением религиозных книг, включая Псалтырь¹³. Особенно интересна роль крайне малочисленных в крестьянской общине грамотных людей. Согласно одному документу из Государственного архива Вологодской обл., «некоторые из грамотных крестьян нередко читали книги духовно-нравственного содержания неграмотной аудитории, которая могла в процессе чтения также учиться грамоте и овладеть знаниями»¹⁴. Все эти факты демонстрируют важность Псалтыри в ежедневном быту православных верующих, однако необходимо дальнейшее исследование этого вопроса. Шевцова отмечает дефицит научных исследований, раскрывающих историю восточного христианства, а также его понимание и бытовое воплощение в крестьянском мире. Вместе с тем слова, встречающиеся в псалмах, могут пролить свет на специфику восприятия крестьянством идеи нации и национального.

Главное при анализе средневековых Псалтырей – понять, как библейский народ Израиля, изображенный в псалмах, служил образом нации, воплощением национального начала. В качестве примера влияния псалмов можно взять Псалтырь 1904 г. и рассмотреть употребление слова «народ» в нескольких ключевых псалмах. Один из наиболее показательных для осмысления русских понятий народа и нации – псалом 7-й, стихи 8-й и 9-й: «Сонмъ людей станеть вокругъ Тебя; надъ нимъ поднимись на высоту. Господь судить народы. Суди меня, Господи, по правде моей и по непорочности моей во мне»¹⁵. Здесь особенно ярко выражена мысль о том, что каждый народ будет судим как единое коллективное сообщество. Это убеждение играет важнейшую роль в православии вообще и в русском православии, в частности. В классической работе Г.П. Федотова «Русское религиозное сознание. Киевское христианство. X–XIII века» об этом говорится так: «Все народы призваны Богом, и русский народ среди них. Это не узко национальная позиция, а, напротив, взгляд с высоты универсальной, вселенской точки зрения. С другой стороны, сама нация не является безразличной категорией в Царстве Божию. Подобно тому как отдельный человек предстоит Богу, неся ответственность за свои поступки, так предстоят Богу и нации как духовные существа, со своими грехами и со своими добродетелями, в составе земной Церкви и в вечности»¹⁶.

Далее Г.П. Федотов говорит о том, что подобная религиозная идея не могла возникнуть в средневековой Западной Европе, являясь органичным элементом восточнохристианского мира с его многообразием языков и культур. Если Гастингс, как я полагаю, прав в своей трактовке истории средних веков, это, возможно, не совсем верно. Согласно моему предположению, это понятие национального духовного организма, подлежащего Божьему суду, выражено в русской культуре посредством идеи «русской души». Поскольку Псалтырь утверждает, что Бог будет судить народы индивидуально, логично далее предположить, что индивидуумы – представители нации – имеют между собой некие общие духовные черты, основанные на принадлежности к этой коллективной общности. Сам Г.П. Федотов проводит эту мысль, когда употребляет понятие «душа народа»¹⁷.

Псалом 7-й – не единственный, в котором фигурируют «народы». В первом стихе псалма 2-го читаем: «Зачемъ мятутся народы, и племена замышляютъ тщетное?» и далее в стихе девятом: «Отъ Господа – спасение. Надъ народомъ Твоимъ благословение Твое». Псалом 4-й, стих 7-й: «Не убоюсь темъ народа, которыя со всехъ

сторонь ополчились на меня». Псалом 9-й, стих 6-й: «Ты вознегодовалъ на народы, погубилъ нечестиваго, имя ихъ изгладилъ на веки и веки».

Можно было бы привести цитаты из других псалмов (всего их 150). Однако уже из приведенных выше цитат очевидно, что к концу XIX в. русская Псалтырь вобрала в понятие «народ» важнейшие представления о коллективной общности¹⁸. Ясно, что даже поверхностное знакомство с Псалтырью могло внушить читателю или неграмотному слушателю глубокое понимание своей принадлежности к нации. Все это противоречит идеям крайних «модернистов» типа Д. Лэйтина¹⁹, Р. Брубакера²⁰ и Н. Мелвина²¹, которые считают русскую нацию порождением советского государства. Принимая во внимание важность православной религии в жизни русского крестьянина и центральное значение Псалтыри в православной религиозной практике, трудно представить, что крестьянство могло не понимать своей принадлежности к народу/нации.

В Синайской Псалтыри, кстати, появляется понятие «отечество». Псалом 22-й (стих 27) гласит: «И поклонять ся предъ нимъ въсе отъчъства язъчъна»²². Здесь греческое patria (род, родня, семья) переведено как «отечество». Patria не следует смешивать с patris (родина), которое на церковно-славянский переведено как «земля»²³. Любопытно, что греческое слово, указывающее на кровное родство, стало в русском языке эквивалентом понятия «родина». Слова, обозначающие семейное родство, послужили метафорами национальной принадлежности. Внимательный анализ употребления слова «отечество» поможет проследить его истоки и изменение значения с течением времени.

* * *

Несмотря на то что слово «народ» не фигурирует в Синайской Псалтыри, оно встречается в других религиозных памятниках той же эпохи. Один из самых поразительных примеров – переводной апокриф «Откровение Авраама». Оригинальный текст памятника на семитском (вероятно, древнееврейском) языке датируется между 70 г. и 120 г. н. э. (по Р. Рабинкевичу, скорее всего, между 79 г. и 81 г.). Любопытно, что ни одного греческого списка его не обнаружено, а первый старославянский перевод появился в начале XII в. Как обычно бывает в таких случаях, сохранившиеся списки относятся к более позднему времени – в основном к XIV–XVI вв. Несмотря на это, текст содержит важные сведения о происхождении ключевых слов, обозначающих национальность славянского населения, проживавшего как в России, так и за ее пределами.

Слово «народ» оказывается довольно архаическим: варианты его обнаруживаются в русском, старославянском, болгарском, сербском, чешском и польском языках²⁴, что свидетельствует о широком распространении данного слова у этих народов еще до принятия христианства. Анализ указанного апокрифического памятника дает представление о том, как оно употреблялось в конце XI в. «Откровение Авраама» имеет ценность не только в плане истории славянских языков: равным образом оно помогает лучше понять корни русского православия, ведь апокрифы пользовались большой популярностью у обращенных славян в ранний период их христианской истории. Еврейские и христианские легенды, составлявшие содержание апокрифов, отвергнутые Греческой православной церковью, никогда не были полностью и окончательно изгнаны из русского православия.

Согласно Г.П. Федотову, Русская православная церковь считала все христианские писания боговдохновенными, за исключением признанных явно еретическими. Влияние апокрифической литературы нельзя недооценивать. Как полагает Г.П. Федотов, «русские питали особое пристрастие к апокрифам, с их легендарными сюжетами, мощно воздействующими на воображение»²⁵. (Оставляя в стороне Священное Писание и апокрифы, следует сказать, что другим родом литературы, не уступающей по влиянию псалмам, были чрезвычайно популярные в народе жития святых.) В известном апокрифе «Книга Еноха», одном из популярных, как равные употребляются

понятия «люди» и «язык»: первое – по отношению к окружению и роду Еноха, второе – применительно к историческим периодам борьбы народов друг с другом («язык на язык»)²⁶.

В «Откровении Авраама», как и в Синайской Псалтыри, слово «язык» во всех его формах используется для обозначения нации. Вместе с тем слово «народ» иногда употребляется в значении «множество людей». Приведу пример: «отъ страны шюяя язычныя и изыдоша моужи и жены и дети отъ страны языкъ народъ» много и поклоняхуся емоу»²⁷. В «Откровении» выражение «много народ» указывает на множество людей, толпу. Иногда возникает некоторая двусмысленность: «Откровение», к примеру, может подразумевать под «народом» и «народъ» языченъ»²⁸. Понятие «народ» равным образом употребляется при описании неопределенной совокупности людей. Авраам спрашивает сопровождающего его ангела: «То кто естъ народъ въ образавани...?» «Народ» в случае с Авраамом – это группа людей, которую показал ему ангел, раскрывший перед ним картину будущего²⁹.

Определенно, слово «народ» к XII столетию стало важным элементом старославянского, а в широком смысле – древнерусского языка, хотя оно и не являлось точным обозначением национальной принадлежности. Несмотря на то, что это понятие редко встречается в средневековых Псалтырях, я обнаружил его в Чудовской Псалтыри XI в. («народа празднующа»)³⁰. Вместе с тем до XVII в. в Псалтыри отдается предпочтение слову «язык». В Псалтыри 1640 г.³¹ оно явно доминирует, слово же «народ» встречается как исключение. В «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона слово «народ» использовано для указания на скопление людей, толпу, тогда как «язык» означает здесь народ как нацию. Во всех этих старославянских текстах понятие «народ» никогда не употребляется для указания национальной принадлежности³².

Перед нами встает вопрос: почему же слово «народ», в конце концов, заменило слово «язык»? Причиной может быть как влияние польского и других славянских языков, так и процессы вытеснения одних слов другими в результате эволюции русского языка. Процесс приобретения словом «народ» значения «нации» и постепенного замещения им слова «язык» хорошо виден на примере перевода в 1683 г. Авраамием Фирсовым Псалтыри на русское «просторечие»³³. Если в более ранних Псалтырях понятие «народ» встречалось редко и как исключение, то здесь оно доминирует. Впрочем, и тут оно – не единственное. Наряду с ним имеется слово «язык»; иногда в одном и том же стихе можно увидеть оба слова. Слово «отечества» также обнаруживается в этом тексте: «вся отечества языковъ»³⁴.

Подобное сосуществование конкурирующих понятий свидетельствует об экспансии слова «народ» и вытеснении им слова «язык» на языковую периферию. Обратим внимание на дату: в 1683 г., когда был издан первый перевод Псалтыри, Петру I было всего 11 лет, и юный царь не мог оказывать какого-либо заметного влияния на государство или на язык. Можно только строить догадки, имела ли эта книга влияние на Петра: если царь был знаком с ее текстом, он не мог не испытать воздействия заложенных в нем языковых представлений о народе и национальности.

* * *

Итак, концепт *ethnos/natio* существовал как в Киевской, так и в Московской Руси; вопрос в том, как он понимался и осмыслялся. Если обратиться к первым страницам «Повести временных лет», становится очевидной идентичность терминологии, используемой здесь для обозначения национальной принадлежности, и соответствующей терминологии в Синайской Псалтыри. «Повесть» называет «языками» («языци») ряд все еще языческих тогда народов: меря, мурома, чудь и др.³⁵ Далее в памятнике «русь» уравнивается с другими народами, происходящими от библейского Иафета: «варяги, шведы, норманны, готы, русь, англъ, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, генуэзцы и прочие»³⁶. Затем в летописи появляется понятие

«язык»: во времена строительства Вавилонской башни существовал «единый народ» («языкъ единый»), который был разделен Богом на 72 «языка» и рассеян по всей земле. Здесь берет начало и славянский народ. «Повесть» четко разграничивает народы славянские и неславянские, говоря о том, что есть «Словенскъ языкъ в Руси»³⁷.

Согласно «Повести», каждый из народов-«языков» имеет собственный язык – средство общения между людьми. Славянский народ, или «Словенский языкъ», несмотря на территориально-племенное разделение, объединен одним языком – единой «словенской грамотой»³⁸. «Повесть» очерчивает географические контуры Руси, определяя территории, занимаемые различными славянскими племенами, составляющими славянский «язык». Племя не только привязывается к определенной территории и языку, но и связывается с определенными обычаями, традициями и законами.

В «Повести» дается квазиантропологическое описание различных славянских народов в составе «языка» Руси путем определения специфических обычаев каждого: «Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, кождо свой нравъ». Не удовлетворившись рассказом о славянских обычаях, «Повесть» приводит описание летописцем Георгием обычаев ряда других народов, в том числе и фантастических, например, мифических амазонок.

Интересен тот факт, что летопись демонстрирует роль религии в определении и утверждении народа. «Повесть временных лет» оговаривает, что в момент обращения в христианство все еще существовал единый славянский народ («язык») и что князья просили перевести священные тексты на славянский. Услышав об этом, император Михаил послал в славянские земли братьев Мефодия и Константина, которые должны были выполнить работу по переводу. Они придумали славянский алфавит, осуществили перевод Деяний и Евангелия, затем взялись за перевод Псалтыри и других канонических текстов³⁹.

Наконец, в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона мы находим впечатляющие примеры употребления слов – «язык» и «народ». Здесь сохраняется уже известная нам модель их отношений: «язык» указывает на принадлежность к нации, а «народ» – на множество, или скопление, людей. Особенно интересно употребление в «Слове» выражения «русский язык» (т. е. русский народ). Во вступительном пассаже Иларион рассказывает о том, как христианство распространилось по всем «языкам» вплоть «до нашего языка русского»⁴⁰.

Важность этой проповеди, т. е. «Слова», невозможно переоценить: Иларион был первым негреческим, а именно русским митрополитом на Руси. Он принял этот сан в 1051 г., и его «Слово», вероятно, предшествует «Повести временных лет». Тот факт, что это именно проповедь, свидетельствует о степени развития национального самосознания в среде неграмотного в большинстве своем населения: со стороны духовенства предполагалось, что проповедь понятна всем прихожанам. Необходимо дальнейшее исследование, которое бы вскрыло воздействие Иларионовой проповеди на безграмотное в массе своей население славянских стран.

* * *

Основные положения исследования следующие. Исторические факты определенно свидетельствуют в пользу того, что русская нация была сформирована в основе своей уже в XI в.

Для выражения национальной принадлежности в древнерусских религиозных текстах используется та же лексика, что и в других памятниках древнерусской литературы, таких как «Повесть временных лет» или «Слово» митрополита Илариона.

Русская нация обязана своим образованием не столько государству, как полагает большинство исследователей, сколько православию. Древнейшие письменные религиозные памятники, особенно Псалтырь, ясно показывают, что истоки русской нации лежат в православной вере. Именно православие явилось формирующим и объединяющим фактором, послужившим «превращению» населения Киевской Руси в единый

русский народ. На ранних стадиях развития русской нации именно единая православная вера стала той парадигмой, что лежала в основе национального самосознания русского народа.

Русская нация – действительно плод тысячелетней истории. Историческое крещение в 988 г. русов в днепровских водах великим князем киевским Владимиром «Красное Солнышко», причисленного позднее к лику святых, может рассматриваться как отправная точка формального отчета становления русской нации. Именно это по сути и отразили в своих трудах первые русские богословы, а позднее это нашло отражение в нерелигиозных литературных источниках Древней Руси, таких, например, как «Слово о полку Игореве».

Собственно, здесь и следует искать истоки русского национального самосознания и русской нации.

Примечания

¹ Halperin Ch.J. The Russian Land and the Russian Tsar: The Emergence of Muscovite Ideology, 1380–1408. Columbia University, 1973; *Idem*. Master and Man in Muscovy // The Tsardom of Muscovy. Academic International Press, 1978. P. 19; *Idem*. Russia and the Golden Horde. Bloomington, 1985. P. 20.

² Буганов А.В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992.

³ Hastings A. The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge, 1997.

⁴ Laitin D.D. Identity in Formation. Ithaca; London, 1998.

⁵ Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1996.

⁶ Suny R.G. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.

⁷ Hobbsawm E.J. Nations and Nationalism Since 1780. Cambridge, 1990.

⁸ Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge; London, 1992. P. 203.

⁹ Fedotov G.P. The Russian Religious Mind (I): Kievan Christianity. The 10th to the 13th Centuries. Volume three in the collected works of George P. Fedotov. Belmont (Massachusetts), 1975. P. 42.

¹⁰ Shchepkina M.V. Miniatury Khudovskoy Psaltyri. Moscow, 1977. P. 315.

¹¹ Kaiser D.H. Death and Dying in Early Modern Russia // Major Problems in Early Modern Russian History / Ed. with an introduction by Nancy Shields Kollman. (Series «Articles on Russian and Soviet History 1500–1991»). N. Y.; L. P. 237.

¹² Scheffel D. In the Shadow of the Antichrist: The Old Believers of Alberta. Peterborough (Ontaria), 1991. P. 106.

¹³ Schevzova V. Chapels and the Ecclesial World of Prerevolutionary Russian Peasants // Slavic Rev. 1996. V. 55. № 3. P. 585–613.

¹⁴ *Ibid.* P. 595.

¹⁵ Psaltyr'. Saint Petersburg, 1904. Дореволюционная русская орфография немного отличалась от современной употреблением нескольких дополнительных букв. В целях облегчения восприятия я произвел в данной цитате замену старых букв соответствующими буквами современного русского алфавита. Точно так же я поступаю при цитировании старославянских текстов, стремясь вместе с тем сохранить по возможности звучание и целостность оригинала (официальное издание Псалтыри).

¹⁶ Fedotov G.P. *Op. cit.* P. 405.

¹⁷ *Ibid.* P. 325.

¹⁸ Следует заметить, что к этому времени слово «нация» уже было известно в России. Тем не менее в словарях XIX в. «нация» определялась как «народ», а «национальность» как «народность».

¹⁹ Laitin D.D. *Op. cit.*

²⁰ Brubaker R. *Op. cit.*

²¹ Melvin N. Russians Beyond Russia: The Politics of National Identity. Chatham House Papers. L., 1995; *Idem*. Nations Abroad: Diaspora Politics and International Relations in the Former Soviet Union. Boulder (Colorado), 1998.

²² Geitler L. Psalterium Glagolski Spomenik Manastira Sinai Brda (Psalter From the Mount Sinai Monastery). Zagreb, 1883. P. 43.

²³ *Ibid.*

²⁴ Mikolsich F. Dictionnaire Abrégé De Six Langues Slaves (Russe, Vieux-Slave, Bulgare, Serbe, Tchèque Et Polonais) Ainsi Que Francais Et Allemand. (Abbreviated Dictionary of Six Slavic Languages in Addition to French and German). Moscow; St. Petersburg; Vienna, 1885. P. 382–383.

²⁵ Fedotov G.P. *Op. cit.* P. 43.

²⁶ Vaillant A. Le Livre Des Secrets D'Hénoch: Texte Slave Et Traduction Française. P., 1952. P. 70.

- ²⁷ *Rubinkiewicz R. L'Apocalypse D'Abraham En Vieux Slave. Introduction, Texte Critique, Traduction Et Commentaire. Lublin, 1987. P. 192.*
- ²⁸ *Ibid. P. 186.*
- ²⁹ *Ibid. P. 174.*
- ³⁰ *Pogorelov V. Chudovskaya Psaltyr' XI veka. Otryvok Tolkovaniya Feodorita Kirrskogo Na Psaltyr' v Drevne-Bolgarskom Perevode. S Priloženiem Dvukh Fototipicheskikh Snimkov. (Chudovskaya Psalter XI Century). Pamyatniki Staroslavjanskogo yazyka. Vol. III. Pt 1. Saint Petersburg, 1910. P. 19.*
- ³¹ *Psaltyr' So Vozsledovaniem. Moscow, 1640.*
- ³² *Fennel J., Obolensky D. Metropolitan Ilarion: Sermon on Law and Grace // A Historical Russian Reader. Oxford, 1969.*
- ³³ *Psaltyr' 1683 Goda v Perevode Avramiya Firsova / Preparation of text, lexical index and introductory remarks Elena A. Tselynova. München, 1989.*
- ³⁴ *Ibid. P. 60.*
- ³⁵ *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisei. (Complete Collection of Russian Chronicles). Vol. 1. Leningrad, 1926. P. 4.*
- ³⁶ *The Russian Primary Chronicle: Laurentian Text. Cambridge (Massachusetts), 1953. P. 52.*
- ³⁷ *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisei... Vol. 1. P. 11.*
- ³⁸ *Ibid. P. 6.*
- ³⁹ *The Russian Primary Chronicle... P. 62–63.*
- ⁴⁰ *Fennel J., Obolensky D. Op. cit. P. 1.*

M. B u c h a r. Religious Origins of the Russian Nation Formation during the Middle Ages

Old Slavic terms equivalent to the notion of «nation» (including «narod») are the object of author's attention. Special relevance for the origin of the notion, according to author's view, plays the book of Psalms, which is important for Christian religious practice both in the East and in the West. It is so important, because Psalms define the notion «narod» as a territorial community of people, united by common confession, language and traditions.